

Габелко Дмитрий Евгеньевич

ВОЕННО-НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА Д. А. МИЛЮТИНА В ШТАБЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1845-1848 ГГ.

Статья раскрывает деятельность профессора Д. А. Милютина в должности начальника отделения Штаба военно-учебных заведений. Автор впервые рассказывает о его разнообразных учебно-педагогических обязанностях. Основное внимание уделено рассмотрению работы Милютина над "Общей инструкцией для составления учебных конспектов и программ военно-учебным заведениям" и содержанию "Очерков о преподавании воспитанникам русской словесности и политических наук".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 44-48. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ACTIVITY OF DOMESTIC DANCERS AND CHOREOGRAPHERS - EMIGRANTS
OF THE FIRST WAVE IN CHINA (BY THE EXAMPLE OF V. K. IZHEVSKII'S CREATIVITY)

Margarita Andreevna Vedernikova, Ph. D. in Art Criticism
Department of History, Culture History and Museum Affairs
Moscow State University of Culture and Arts
wds80@mail.ru

The author describes the creativity of Vladimir Konstantinovich Izhevskii (1909-1996), who worked in China during 1925-1956, and became known as a dancer, choreographer, director and teacher; as the basis of the article considers Izhevskii's memories preserved in the form of audio recordings recorded in 1986, inscribes Izhevskii's creative way in the historical-cultural context of the era associated with the first wave emigrants' activity in China, and comes to the conclusions about Russian emigrants' contribution to classical dance development in China.

Key words and phrases: V. K. Izhevskii; ballet; performances; China; Russian emigration of the first wave; dancers; choreographers; teachers.

УДК 355:930(47).073

Исторические науки и археология

Статья раскрывает деятельность профессора Д. А. Милютин в должности начальника отделения Штаба военно-учебных заведений. Автор впервые рассказывает о его разнообразных учебно-педагогических обязанностях. Основное внимание уделено рассмотрению работы Милютин над «Общей инструкцией для составления учебных конспектов и программ военно-учебным заведениям» и содержанию «Очерков о преподавании воспитанникам русской словесности и политических наук».

Ключевые слова и фразы: Штаб военно-учебных заведений; Петергофский лагерь; рапорт; русская словесность; политические науки; «Наставление».

Дмитрий Евгеньевич Габелко, к.и.н.
Кафедра истории военного искусства
Военный авиационный инженерный университет, г. Воронеж
dmitry.gabelko@yandex.ru

**ВОЕННО-НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА Д. А. МИЛЮТИНА
В ШТАБЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1845-1848 ГГ.[©]**

Решение задачи повышения качества военного образования, приведение уровня профессиональной подготовленности офицеров в соответствие с нормативными правовыми актами и требованиями военно-профессиональной деятельности на современном этапе реформирования существующей системы военного образования проблематично без использования исторического опыта. Показательной в этом направлении является военно-научная деятельность профессора Д. А. Милютин в должности начальника отделения Штаба военно-учебных заведений, который на своём уровне пытался совершенствовать образовательную программу для кадетских корпусов.

Кроме того, автор стремится исправить ошибочно сложившееся мнение о том, что вопросом подготовки офицеров среднего звена в исследуемый период государство практически не занималось. Это время было периодом становления военной школы в России.

5 июня 1845 года в предписании вице-директора Военной академии Д. А. Милютину было объявлено Высочайшее повеление находиться при отряде военно-учебных заведений на время расположения его в Петергофском лагере; в приказе Великого князя Михаила Павловича, начальника военно-учебных заведений, от 16 июня добавлено, что на него возлагаются обязанности обер-квартирмейстера при отряде и наблюдение за практическими военными работами воспитанников. В Петергофском лагере каждое лето размещались воспитанники 7 петербургских военно-учебных заведений: Пажеского корпуса, Инженерного и Артиллерийского училищ, Дворянского полка и трех кадетских корпусов: 1-го, 2-го и Павловского. Практические занятия воспитанников заключались в следующем: 1) тактические – аванпостная служба и малая война, в виде манёвров побатальонно; 2) топографические – съёмка с мензулой и буссолью для воспитанников двух старших (специальных) курсов и отдельные геометрические задачи на местности для IV общего класса; 3) инженерные – трассировка и постройка укреплений (уменьшенного профиля), изготовление фашинов, туров и т.д. для обоих специальных классов; 4) артиллерийские – для тех же классов, лабораторные работы и стрельба из орудий разных калибров. Программа была обширная и разнообразная, но действительное исполнение, как заметил Д. А. Милютин, «далеко не соответствовало задаче и достигало весьма малой пользы» [2, с. 106-107].

Во время больших манёвров Гвардейского и Гренадерского корпусов, Император Николай I решил привлечь к участию в них и части отряда военно-учебных заведений. Из выпускных воспитанников был сформирован сводный батальон с двумя горными орудиями. Сводный батальон посадили на пароходы в Петергофе и перевезли к устью реки Наровы. Д. А. Милютину было приказано исполнять обязанности начальника штаба десантного отряда и руководить его действиями по высадке на берег. Сопровождал сводный батальон начальник Главного морского штаба светлейший князь А. С. Меншиков (1787-1869 гг.). Выйдя на берег, сводный отряд выстроился в боевой порядок и двинулся вдоль левого берега реки к неприятельскому реду, который надлежало штурмовать. На половине пути навстречу десантному отряду выехал с многочисленной свитой Император, который подозвал Д. А. Милютину, расспросил его о плавании и высадке отряда, затем предложил продолжать свой манёвр [Там же, с. 110].

19 августа 1845 года Д. А. Милютин представил начальнику Штаба военно-учебных заведений генерал-майору Я. И. Ростовцеву (1803-1860 гг.) отчёт о ходе практических занятий воспитанников под названием «Замечания о некоторых мерах к распространению практических занятий Военно-учебных заведений в лагерное время» [5, ед. хр. 26, л. 1-12]. Выказав своё мнение о слабых результатах этих занятий, Д. А. Милютин отметил, что причиной тому были недостаточность уделяемого на занятия времени, малое число опытных руководителей, ограниченность материальных средств, кроме того, строевое начальство неблагосклонно смотрело на практические занятия. В заключение он изложил свои предложения о мерах на будущее время к усилению и упорядочению этих занятий, даже при том ограниченном числе дней, которые возможно уделять на них в течение лагерного периода. И. С. Симонов писал: «...летом 1845 г. молодой подполковник Генерального штаба Милютин оживил и осмыслил, своим просвещенным и энергичным руководством, обычные военные упражнения в кадетском лагере и приучил кадет серьёзно заниматься делом, лично объезжая далеко разбросанные, по окрестностям Петергофа, съёмочные партии, тщательно проверяя работы каждой из них» [7, с. 3-4].

6 ноября 1845 года по Высочайшему повелению Милютин был прикомандирован к Штабу военно-учебных заведений для управления 3-м (воспитательным и учебным) отделением с оставлением в должности профессора Военной академии [6, ед. хр. 34, л. 2]. На начальнике отделения лежали, кроме текущего делопроизводства, разнообразные учебно-педагогические обязанности: он был делопроизводителем учебного комитета, собиравшегося еженедельно, по субботам, вечером под представительством генерала Я. И. Ростовцева в его квартире; был редактором «Журнала для чтения воспитанников Военно-учебных заведений», выходившего через каждые 2 недели; заведовал испытаниями кандидатов в учителя и присутствовал на пробных лекциях; посещал занятия и экзамены в заведениях, наблюдая за «ходом учебной части» и т.д. Кроме того, предстояло ему исполнять в летнее время обязанности руководителя практических занятий воспитанников в Петергофском лагере [2, с. 115-117].

Лето 1846 года Д. А. Милютин снова провёл в Петергофе в качестве руководителя по тактическим и другим практическим занятиям воспитанников. В середине июня отряд военно-учебных заведений выступил в лагерь. Расписание было составлено на 18 дней, согласно прошлогоднему опыту, занятия организованы по представленному Д. А. Милютину плану, в основание которого положено распределение утренних и вечерних занятий. При большом числе участвовавших в занятиях воспитанников, при ограниченности времени и материальных средств занятия были разделены на общие - для целого класса каждого заведения, и специальные - для выпускных воспитанников соответственно роду службы. В своих «Воспоминаниях» Д. А. Милютин отметил: «...и в этом году, хотя было сделано всё возможное для более серьёзного направления занятий, всё-таки результаты вышли очень слабые. Самой жалкой частью была ружейная стрельба, столь важная для пехотного офицера; можно сказать, что этим делом вовсе не занимались за неимением ни удобного места, ни годного оружия. Впрочем, это дело тогда стояло не лучше и во всей русской армии» [Там же, с. 124-125].

4 сентября 1846 года Д. А. Милютин представил пространный по содержанию «Рапорт начальнику штаба Военно-учебных заведений генерал-майору Ростовцеву Якову Ивановичу, по заведыванию летней практикой воспитанников в лагере при Петергофе» [5, ед. хр. 26, л. 1-18]. Он в целом положительно оценил итоги летней практики по сравнению с прошлым годом. При ограниченности времени и материальных средств занятия прошли более организованно. Однако всё внимание начальства было обращено на строевую подготовку батальонов к Царскому смотру, состоявшемуся 28 июня. Затем Д. А. Милютин рассмотрел итоги практики по отдельным видам занятий.

1. Малая война и аванпостная служба.
2. Инженерные работы.
3. Артиллерийские занятия.

Здесь отметил, что «лаборатории бедные», «нет материалов», указал на «недостаточное количество снарядов» и сделал вывод, что необходимо «улучшить материальную сторону занятий».

4. Ружейная стрельба.

Он подчеркнул, что на ружейную стрельбу «мало времени», да и «нет места», хотя ружейная стрельба «должна была проводиться там же, где артиллерийская».

5. Топографические занятия.

Нововведения. В этой связи пишет: «Заблаговременное расписание времени занятий для расчёта очередей, а также печатные листы, заготовленные на каждый день, для объявления по отряду при вечернем

приказе распределения занятий, составлены в первый раз». Д. А. Милютин также показал, что «в практических занятиях задействовано большее, чем обычно, количество обучающихся» [Там же].

19, 22 и 27 ноября 1843 года Император Николай I выступил на заседаниях «Совета о военно-учебных заведениях» с докладом, где излагалась программа подготовки будущего офицера, определявшая приоритетные направления. Во-первых, «воспитание кадет в высшей степени... должно быть религиозно-нравственным и патриотическим». Во-вторых, военно-учебным заведениям поставлено в обязанность «приготавливать ни чисто учёного, ни собственно светского человека, а честного и образованного члена семейства и государства, верного подданного и офицера, постигающего сознательно прямые обязанности будущего своего назначения». В-третьих, «преподавание должно основываться на развитии нравственном и умственном, а не на труде одной памяти». Что касается наук, то «они должны освобождаться от схоластики, от утопических гипотез и от предметов придаточных, вредящих и способностям учащихся, и направлению их воспитания». Преподавание военных наук должно было иметь три цели: «1. Твёрдо укоренить в воспитанниках сведения, необходимые им на поприще военном, непосредственно при поступлении их на службу действительную. 2. Дать прочное приготовление тем из них, которые пожелаю окончить своё образование в высших заведениях специальных (Военной академии и училищах: Главном инженерном и Артиллерийском). 3. Указать путь, которым каждый воспитанник может, впоследствии на самой службе, трудом самостоятельным изучать общее направление, дух и развитие военного искусства в современном его состоянии, и предостеречь от идей и теорий ложных, которые он может встретить при чтении многих военных сочинений» [1, с. 18].

Началась работа над документом – «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», которое регламентировало подготовку будущих офицеров. Генерал Я. И. Ростовцев принял решение составить общее «Наставление по учебной части военно-учебных заведений», где имелось в виду указать направление преподавания каждого предмета. Статьи для этого «Наставления» составляли наставники-наблюдатели по принадлежности, на основании личных указаний Я. И. Ростовцева, который потом исправлял и переделывал их. Д. А. Милютин вспоминает об этой работе: «К некоторым статьям и я должен был приложить руку, хотя и не разделял во многом взглядов Якова Ивановича. Возражать ему, оспаривать его указания было бы совершенно напрасно; да и сам генерал Ростовцев едва ли был искренно убеждён во всём, что считал нужным высказывать. При тогдашнем режиме и духе времени всё, что делалось, писалось, говорилось, должно было более или менее носить на себе отпечаток лицемерия и фальши» [2, с. 132].

В связи с разработкой «Наставления» пересматривались все программы преподавания, составлялись конспекты и обсуждалось распределение учебных часов. Д. А. Милютин принял «деятельное участие» в этой работе и представил в 1847 году генералу Я. И. Ростовцеву две Записки. В них он изложил своё представление о преподавании в средних учебных заведениях русской словесности и политических наук и объяснил своё мнение о некоторых общих недостатках тогдашнего способа преподавания. «Высказанная мною основная мысль состояла в том, – пишет он, – что в преподавании у нас преобладало теоретическое учение, затверживание фактов, имён, чисел, слов, правил, и слишком мало времени оставалось ученику, чтобы вдуматься в изучаемое, усвоить себе предмет, приобрести навык к практическому приложению науки. Я настаивал, чтобы учителя более заботились об умственном и нравственном развитии учеников, соответственно возрасту; более давали им случаев упражняться и менее затверживать на память; возбуждали бы в них любознательность и т.д.» [Там же, с. 132-133].

В дополнение к этим «общим мыслям» Милютин представил более подробные объяснения о преподавании русской словесности и политических наук. В «Очерке порядка преподавания русской словесности» [5, ед. хр. 51, л. 1-2] он большое внимание уделял постепенности практических упражнений, письменных и устных и выбору таких тем, которые приучали бы учащихся преимущественно к точности, определительности, систематичности изложения [2, с. 133].

В «Очерке порядка преподавания политических наук» [5, ед. хр. 52, л. 1-12] он изложил свой особый взгляд по этому предмету. Ему казалось нерациональным прохождение всего курса истории в средних учебных заведениях через все классы, от низшего до высшего, в одном общем, последовательном повествовании, без связи с возрастом учеников. По его понятиям необходимо подразделить этот курс на три уровня: ограничившись для детского возраста поверхностными, отрывочными рассказами; затем в средних классах пройти в сжатом очерке весь курс с древних до наших времён, не входя в подробности, но ознакомить учащихся с постепенным развитием человечества в культурном отношении, соблюдая хронологическую последовательность судьбы народов и государств; в высших классах повторить снова весь курс истории, уже более осмысленно с политической стороны, чтобы учащиеся получили понятие о разных условиях и формах государственного устройства и международных отношений. Ему казалось, что такой курс мог восполнить пробел в образовании молодёжи вследствие исключения политических и юридических наук из плана средних учебных заведений. Другая мысль, высказанная в этой Записке, заключалась в том, чтобы преподавание географии в низших и высших классах связать с преподаванием истории, оба предмета изучались бы параллельно, дополняя друг друга. При этом он предлагал, чтобы учащиеся имели перед глазами карту, ни один исторический факт не обходился без наглядного указания места действия. В пояснение изложенных мыслей Милютин представил примерный план преподавания истории в связи с географией [2, с. 133-134].

Я. И. Ростовцев, прочитав Записки Д. А. Милютина, испестрил их своими замечаниями, некоторые из них он вполне одобрял, но в общем находил его предложения «отдалённым идеалом», недостижимым при

тогдашних наших педагогических силах. В заключении генерал Я. И. Ростовцев высказал свои собственные взгляды на тогдашнее состояние учебной части. Говоря об этом, Д. А. Милютин сделал следующую запись: «В этих строках сквозит уколотое самолюбие человека, который посвятил значительную часть жизни на создание строения и которому указывают недостатки и несовершенства его произведения. Вовсе не с тем, конечно, писал я, чтобы критиковать военно-учебные заведения и выставлять их недостатки; я считал своим служебным долгом представить откровенно личное мнение по вопросу, поднятому самим же генералом Ростовцевым, и, признаться, не отдавал себе полного отчёта в том, что предлагаемые мною изменения в преподавании могли показаться ему каким-то недостижимым идеалом. Если действительно и трудно было достигнуть сразу такого идеала, то всё-таки важно было уже то, чтобы знать, к какому идеалу следовало стремиться при постоянном, обязательном движении вперёд. Так я и смотрел на предлагаемые мною изменения в системе преподавания; от начальства зависело принять или отвергнуть указанную дорогу» [Там же, с. 135].

И. С. Симонов отмечал, что при деятельном участии Милютина велись работы по составлению «знаменитого» «Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений» и изданы новые программы и конспекты по всем предметам установленного учебного курса: «Архив Главного управления свидетельствует нам, что Дмитрий Алексеевич, в качестве “правой руки” Ростовцева, весьма существенно содействовал успеху предпринятого тогда подробного регулирования учебного плана наших военно-учебных заведений» [7, с. 2].

Летом 1847 года в Петергофе прошли практические занятия отряда военно-учебных заведений, которым Милютин дал довольно высокую оценку, они состоялись по плану, были более результативными, особенно отметил инженерные работы и удачно проведённые манёвры с наведением моста, переправой, сапёрными работами: «С прекращением лекций в Военной академии и экзаменов в военно-учебных заведениях снова предстояло мне провести лето – уже третье – в Петергофе... Занятия мои в Петергофском лагере шли так же, как и прежде; но с каждым годом они всё более регулировались, хотя результаты всё-таки были очень слабые по чрезвычайной краткости уделяемого на работы времени. В этом году довольно заметное распространение получили инженерные работы, благодаря живому участию, принятому начальником Инженерного училища генерал-майором Ломновским, который усердно помогал мне всеми средствами. С его содействием произведён был, в июле месяце, маленький манёвр за Английским парком, у Охотничьей слободы, с наводкой моста и переправой; велись сапёрные работы и т.д. Император постоянно оставался доволен смотрами, учениями и занятиями кадетов» [2, с. 140-141].

9 сентября 1848 года скончался русский военный историк, генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский (1790-1848 гг.), который по Высочайшему повелению описывал войны России 1-й четверти XIX в. Военный министр, князь А. И. Чернышёв (1785-1857 гг.), предложил профессору, полковнику Д. А. Милютину, продолжить эту работу. 26 октября 1848 года Милютин получил новое назначение «для особых поручений» к военному министру и тогда же был назначен членом учебного комитета, состоявшего при Штабе Его Императорского Высочества по военно-учебным заведениям [6, ед. хр. 34, л. 2]. Д. А. Милютин так описал это событие: «О новом назначении моём “для особых поручений при военном министре” объявлено было в приказе 26 октября 1848 года; за мною оставили звание профессора Военной академии и члена учебного комитета. Тем же приказом назначен, вместо меня, управляющим учебным отделением капитан Карцов, также с оставлением адъюнкт-профессором Военной академии. Таким образом, ровно три года продолжалось мое управление учебным отделением» [2, с. 152].

24 декабря 1848 года Император Николай I утвердил «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», и оно было опубликовано отдельной брошюрой [3]. В «Наставлении» уделялось внимание изучению политических наук (история, география, статистика, законоведение). Там отмечалось: «Политические науки составляют для воспитанников военно-учебных заведений и важное средство умственного развития, и необходимое условие образования человека в обществе, которому он принадлежит многообразно и как член семейства, и как житель Государства, и как оберегатель порядка, спокойствия, безопасности и славы своего Отечества. Изучение политических наук в военно-учебных заведениях тем важнее, чем обширнее будет впоследствии круг его деятельности, чем многочисленнее будут точки соприкосновения его с обществом и чем, по естественному ходу общих успехов умственной деятельности, будет образованнее и самое общество, которого они готовятся быть членом» [Там же, с. 89].

Основой исторического курса военно-учебных заведений была следующая мысль: «Жизнь общества складывается из жизни частных лиц, общество составляющих, и поэтому нигде столько как в ней не найдёт человек доказательств, что его собственное благо нераздельно с благом всего общества, среди которого он живёт, и что благо общественное зиждется преданностью и любовью всех, а в их числе и его самого, к вере и законам своей страны и ко власти, дарующей и охраняющей сии законы для блага каждого и всех» [Там же, с. 95].

Преподавание истории в зависимости от возраста воспитанников последовательно включало: Священную историю Ветхого Завета, Русскую историю, древнюю, среднюю и новую историю, историю Отечества, политическую историю.

Преподаватель истории был обязан:

- «1) избегать мелочей и бесполезных анекдотов;
- 2) представлять жизнь народов и в особенности древних, для нас уже отживших и чуждых, в самых крупных очерках;

3) обрисовывать только те события, которые очевидным образом определили жизнь и судьбу каждого народа».

При этом преподаватель мог «сохранять свою самостоятельность и в подробностях изложения предмета, и в приёмах и способах изложения учебного материала» [Там же, с. 101-102].

Положения, изложенные в «Наставлении», вошли в «Общую инструкцию для составления учебных конспектов и программ военно-учебным заведениям» [4], подготовленную под руководством генерала Я. И. Ростовцева в 1849 году. «Общая инструкция» была составлена на основе тех статей, которые были разработаны главными наставниками-наблюдателями по каждому предмету для «Наставления по учебной части военно-учебных заведений». В «Общей инструкции» подчёркивалось, что «главная цель кадетского обучения состоит в том, чтобы дать воспитаннику прочное основание в науке, дабы при любви к труду, когда ум его впоследствии и летами и опытом разовьётся, он мог учить себя сам и идти далее без помощи посторонней: для чего и надобно всеми мерами приучить кадета к работе самостоятельной, вселять в него любовь к труду и уважение к науке, а самое учение сделать простым, живым, заманчивым, а не запутанным и несхоластическим» [Там же, с. 7]. При этом обращалось внимание на учёт индивидуальных особенностей воспитанников. В пункте 2 инструкции говорилось: «Не упускать из виду, что способности и склонности воспитанников, как и вообще всех людей, неодинаковы, а потому во всех науках, по мере возможности разделяя преподавание по своим способностям или по хорошему домашнему приготовлению, идти далее и шире пределов программного для их класса назначенных» [Там же].

Необходимо отметить важное значение «Наставления» и «Общей инструкции», которое заключалось в том, что эти документы ставили цели и задачи подготовки будущих офицеров, определяли перечень изучаемых предметов, программы и количество часов, формировали требования, предъявляемые к преподавательскому составу на территории Российской империи.

Д. А. Милютин вспоминал, что «занятия по новой моей должности отняли от профессорских моих работ гораздо более времени, чем первоначально я предполагал. Но занятиями этими я не тяготился; они как-то пришлись мне по душе...» [2, с. 116].

На новом месте Д. А. Милютин проявил себя как «усердный», «отличных» способностей и инициативный руководитель, что помогло ему выработать самостоятельный взгляд на организацию учебного процесса и практических занятий воспитанников военно-учебных заведений. Его научная и педагогическая деятельность того времени не утратили своей актуальности и сегодня. Схожие идеи лежат в основе реформы системы военного образования XXI в. в России, основной целью которой продолжает оставаться адекватное современности качество военно-профессиональной подготовки будущих офицеров.

Список литературы

1. **Коровин В. М., Подлужный В. И., Свиридов В. А.** Подготовка офицерских кадров в России: традиции и современность: монография. Воронеж: ВГУ, 2004. 368 с.
2. **Милютин Д. А.** Воспоминания. 1843-1856 гг. / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: ТРИТЭ, 2000. 524 с.
3. **Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений:** Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб.: Тип. Воен.-учеб. заведений, 1849. 185 с.
4. **Общая инструкция для составления учебных конспектов и программ военно-учебным заведениям.** СПб.: Тип. Воен.-учеб. заведений, 1850.
5. **Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).** Ф. 169. Карт. 21.
6. **ОР РГБ.** Ф. 169. Карт. 84.
7. **Симонов И. С.** Граф Дмитрий Алексеевич Милютин и Военно-учебное ведомство. СПб., 1912. 24 с.

MILITARY-SCIENTIFIC ACTIVITY OF PROFESSOR D. A. MILYUTIN IN HEADQUARTERS OF MILITARY-EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN 1845-1848

Dmitrii Evgen'evich Gabelko, Ph. D. in History
Department of War Art History
Military Aviation Engineering University in Voronezh
dmitry.gabelko@yandex.ru

The author reveals professor D. A. Milyutin's activity as a department chief of Military-Educational Institutions Headquarters, for the first time tells about his various educational-pedagogical responsibilities, and pays special attention to the consideration of Milyutin's work "General Instruction for Working Out Educational Summaries and Programs for Military-Educational Institutions", and the content of "Essays on Teaching Russian Literature and Political Sciences to Educatees".

Key words and phrases: Military-Educational Institutions Headquarters; Peterhof camp; report; Russian literature; political sciences; "Directions".